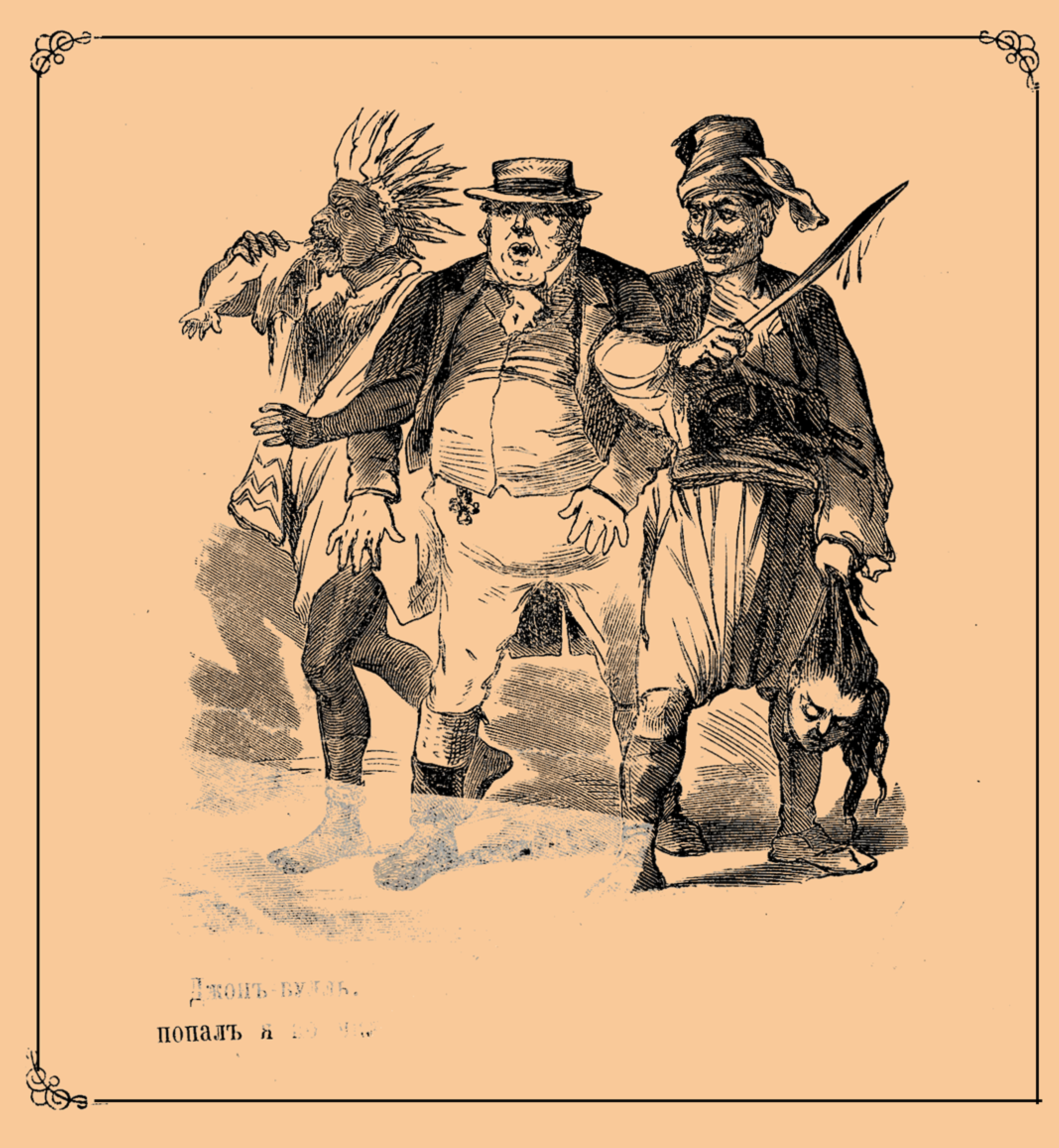
№ 4. 20-го января 1878 года. Годъ XX.

Джонъ-Буль.
попалъ я [illegible]

ТОМЪ XXXIX.

Странный человѣкъ

(разсказъ экс-судебнаго слѣдователя)

(*Посвящается Н. Г. Ч.*).

(*Продолженіе*).

IV

На другой день, послѣ моего посѣщенія Бабиковой я еще лежалъ въ постелѣ, какъ въ девять часовъ утра лакей мнѣ подалъ визитную карточку: «Павелъ Михайловичъ Орловъ».

У меня почему-то екнуло и словно сжалось сердце. Я велѣлъ просить его прямо въ спальню и поспѣшилъ надѣть халатъ и туфли.

Блѣдный и исхудалый за одну ночь, ко мнѣ вошелъ мой гость и низко, почтительно поклонился.

На протянутую ему мною руку, онъ отвѣчалъ сильнымъ пожатіемъ, проговоривъ заранѣе заученную фразу:

— Я пришелъ довѣрить свою судьбу вашему благородному сердцу. Я самозванецъ... Я дѣйствительно вашъ бывшій вольнонаемный писецъ, колежскій асессоръ Константинъ Осиповичъ Павловъ... Неужели, вы предадите меня въ руки правосудія?... Если вы снисходительно выслушаете мою біографію, вы не будете меня преслѣдовать... Поручаю себя вамъ. Я разскажу вамъ все искренно... Отъ васъ зависитъ дать ли мнѣ существованіе для любимой мною въ жизни женщины, или прекратить о жизни вопросъ...

Я пригласилъ его садиться, попросилъ успокоиться и тогда разсказать мнѣ свою повѣсть, а самъ крикнулъ слугѣ, чтобы онъ подалъ самоваръ и чайный приборъ.

— Вы, вѣроятно, помните,—началъ наединѣ со мною, за чаемъ, Константинъ Осиповичъ,—мой формулярный списокъ и что я женатъ вторымъ бракомъ. Въ первый разъ я женился, будучи еще студентомъ, черезъ что и не окончилъ полнаго курса, лѣтъ двадцати, на дѣвушкѣ старше меня года на два, пріѣхавшей изъ Москвы. Она была изъ простаго званія, училась въ какомъ-то пріютѣ и служила швеей въ модномъ магазинѣ. Высокій ростъ, стройная фигура дѣвушки, заду... каріе глаза ея произвели на ...знакомиться съ нею

во-вторыхъ, она находилась въ такомъ положеніи, что оказываемое ей мною вниманіе могло компроментировать ее, оно могло быть сочтено, какъ самою ею, такъ и окружающими за ухаживанье съ дурною цѣлію. Чего я вовсе не желалъ, дорожа ея мнѣніемъ. По этому, видѣвъ дѣвушку всего не болѣе девяти-десяти разъ и обмѣнявшись нѣсколькими незначительными фразами, я рѣшился сдѣлать ей письменнымъ путемъ предложеніе на бракъ со мною. Я ожидалъ отъ нея вполнѣ честнаго отвѣта: если согласна,—то, значитъ она меня любитъ, несогласна—нѣтъ. Въ моей свѣтлой, молодой душѣ не было и тѣни подозрѣнія, что согласіе на бракъ со мною дѣвушки изъ простаго званія, модистки, жившей въ Москвѣ и гораздо болѣе опытной меня въ жизни и старше лѣтами, можетъ быть дано и не изъ любви, а изъ выгодности брака. Алевтина, такъ звали дѣвушку, согласилась.... Я совершенно былъ убѣжденъ, что она меня любитъ. Какъ всякому влюбленному, мнѣ казалось будто бы она интересуется мною болѣе другихъ; при томъ, я въ университетѣ слылъ за лихаго, добраго товарища, весельчака, былъ молодъ и слышалъ съ самаго дѣтства похвалы своимъ глазамъ и наружности. Получивъ согласіе, я бросилъ университетъ и поторопился свадьбою, которая состоялась черезъ пять дней, послѣ моего предложенія. Бракъ мой оказался однимъ изъ злополучнѣйшихъ. Еще невѣстою Алевтина казалась мнѣ безстрастною и равнодушною; но, мечтая о себѣ много, я приписывалъ ея образъ обращенія ея стыдливости и желанію показать себя не похожею на своихъ магазинныхъ подругъ, готовыхъ бросаться на шею своимъ обожателяхъ. Однако, хотя Алевтина была дѣвушкой безукоризненнаго поведенія, и въ медовый мѣсяцъ своего брака она оставалась ко мнѣ по прежнему холодной и равнодушной... Въ мою грудь, какъ больной нарывъ, закралось сомнѣнье, что Алевтина вышла за меня замужъ безъ любви, а по разсчету, какъ за молодаго человѣка, со званіемъ и имѣющаго 120 десятинъ земли... Это не только огорчало меня и не давало покоя, но просто доводило до бѣшенства, до непріятныхъ супружескихъ сценъ между нами. Выслушайте меня задушевно: я имѣлъ всѣ шансы на надежду, что... любитъ меня: и молодость, и нару... ное положеніе и самыя пос...

Вспомните,

ког...

...противъ ...Неравные бра... ...искренними, честными, ...интелигенціи... Наконецъ, я я... Для этого я готовъ былъ

возможныя жертвы... Я, можетъ быть бы, тогда женился на дѣвушкѣ, которая мнѣ вовсе бы не нравилась, но о которой я бы зналъ, что она меня любитъ... Узнай я, что Алевтина не любитъ меня, я бы тотчасъ отъ нея отстранился и никогда бы не думалъ преслѣдовать ее своею любовью, будь она прелестнѣе и обворожительнѣе во сто кратъ. Выгодность партіи для меня не существовала. Не говоря о томъ, что я всегда бы могъ жениться на дѣвушкѣ съ приданымъ, составить карьеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ, образованной, изъ своего круга и даже гораздо красивѣе Алевтины.

По выдержаніи экзамена на учителя, я былъ опредѣленъ въ К—ъ. Здѣсь у меня было много уроковъ въ частныхъ домахъ. Молодыя маменьки очень интересовались мною и мнѣ не стоило бы большихъ хлопотъ завести нѣсколько интрижекъ, но я велъ себя безукоризненно, имѣя самые строгіе взгляды на бракъ; не смотря на это, жена моя мучила меня своею ревностью и отравляла мою жизнь. Любви у меня къ ней уже давно не существовало. Отъ природы Алевтина была чахоточнаго темперамента и съ каждымъ годомъ худѣла, желтѣла и дурнѣла. *Она* умерла, когда мнѣ было тридцать пять лѣтъ. Смерть ея подѣйствовала на меня различно. Сначала долго, почти до тридцати лѣтъ, я тяготился бракомъ и невольно помышлялъ о свободѣ, о другой любви, но понемногу я свыкался съ своимъ положеніемъ и съ тридцати лѣтъ махнулъ рукою на свои мечты. По этому, я искренно сожалѣлъ о смерти своей жены, къ которой привыкъ. Дѣтей у меня отъ этого брака въ живыхъ не было. Мои пріятели и знакомые совѣтовали мнѣ жениться во второй разъ и предлагали невѣстъ, но я отказывался, ссылаясь на зрѣлость своего возраста и преждевременную старость, я былъ почти сѣдъ, начавъ сѣдѣть лѣтъ съ двадцати пяти. Проскучавъ съ годъ и не думая, какъ сказано, жениться, я вдругъ возвратился къ прежнимъ своимъ мечтамъ былъ страстно любимымъ и именно первою, свѣжею любовью молодой дѣвушки, не за свое общественное положеніе и состояніе, а за личныя достоинства, соединенныя и съ недостатками и немолодостью уже лѣтъ. Идеаломъ моимъ была молодая дѣвушка отъ семнадцати до двадцати лѣтъ, была потому, что любви дѣ[illegible]

и болѣе я бы не пов[illegible]
она или притворяетс[illegible]
или любила до меня[illegible]
изношеннымъ чувст[illegible]
[illegible]нѣкія. Такимъ [illegible]
[illegible]ленію въ неравный бракъ по лѣтамъ. Всю неблагоразумность его я сознавалъ. Правда, передъ моими глазами было нѣсколько примѣровъ, что молодыя дѣвушки, вышедши замужъ за людей пожилыхъ, оставались имъ вѣрными подругами до конца жизни, хорошими женами и матерями, и бывали примѣры, что такія же дѣвушки выйдя замужъ за молодыхъ людей, бывали въ своемъ бракѣ несчастливы, потому что молодые мужья не очень дорожили ихъ любовью, сами увлекались по молодости вновь другими женщинами, а также не могли предохранить своихъ женъ отъ ихъ увлеченій. Все таки, какъ я ни склонялъ вопроса въ свою пользу, но долженъ былъ припомнить большинство случаевъ, что въ неравномъ по лѣтамъ бракѣ мужчины зрѣлыхъ лѣтъ съ молодою дѣвушкою — жены или измѣняли и обманывали своихъ мужей, или прямо бросали ихъ. Но все это не разогнало моихъ мечтаній. Съ одной стороны меня поддерживала вѣра въ авось, а съ другой я рѣшился испыхоть разъ въ жизни, хотя бы мимолетное счастье... Если уже противъ молодости и кипѣнія крови ничего нельзя подѣлать, то все таки, хоть годъ я буду счастливъ съ любимой женщиной по своему идеалу, а тамъ, если ей встрѣтится человѣкъ моложе меня, который ей понравится, я не буду мѣшать ихъ счастію и кончу, такъ или иначе, съ своею жизнію, отъ которой мнѣ нечего ждать впереди...

И вотъ, я началъ искать свой идеалъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ поиски мои были неудачны. Въ теченіе каникулярнаго времени я дѣлалъ свои экскурсіи, кромѣ своего города, въ разныя мѣста. Я много встрѣчалъ молоденькихъ, очаровательныхъ дѣвушекъ, которыя на первыхъ порахъ казались даже влюбленными въ меня, интересовались мною и рѣдкая изъ нихъ не согласилась бы быть моею женою. Но ни одной изъ нихъ я не рѣшался дать этого имени. Однѣ были пусты, тщеславны или вѣтрены; другія желали выдти за меня, безъ особаго чувства, по тому или другому разсчету, а третьи принимали меня не за того человѣка, какимъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Я потерялъ было всякую надежду, но тутъ-то и нашелъ то, чего такъ жадно искалъ.

Въ нашъ городъ на должность судьи пріѣхалъ одинъ почтенный старикъ, семейный, съ женою, дочерью, дѣвочкой двѣнадцати лѣтъ, и племянницей, прелестнымъ [illegible] созданіемъ, очаровавшимъ меня
[illegible]ъ ее мелькомъ въ
[illegible] у него бывали
[illegible]алась мѣстная
[illegible]чки. Я было
[illegible]о меня до-
шелъ слухъ, что за племян[illegible]ся одинъ
молодой богатый помѣщикъ. [illegible] услы-
шалъ, что помѣщику невѣста [illegible]укѣ

и у нея есть другой женихъ, мѣстный лѣсничій, офицеръ и не безъ образованія. Но и этого искателя постигла та же участь. Дѣвушка прослыла въ городѣ за очень разборчивую невѣсту, такъ какъ обѣ партіи были приличны и за нею все приданое заключалось въ тысячѣ рубляхъ. Наконецъ, я познакомился съ домомъ судьи. Я былъ приглашенъ давать уроки его дочери. Племянница его часто присутствовала при моихъ занятіяхъ съ ея двоюродною сестрою и обращалась ко мнѣ, какъ къ учителю, съ просьбою давать ей для чтенія книги изъ нашей библіотеки Познакомившись поближе, мы стали говорить и разсуждать о прочитанномъ. Я былъ въ восхищеніи отъ ея ума, способностей, взглядовъ на жизнь, а главное отъ того, что мнѣнія наши были всегда солидарны. Я нарочно иногда даже оспаривалъ ее противъ своихъ убѣжденій, но она доказывала все такъ ясно, такъ логично. Въ карихъ, почти черныхъ выразительныхъ глазахъ дѣвушки я читалъ къ себѣ нѣчто въ родѣ страсти... Нерѣдко въ разговорахъ она брала мою руку и сжимала въ своихъ теплыхъ, маленькихъ ручкахъ. Но сдѣлать ей предложеніе я не рѣшался, опасаясь какъ ея отказа, такъ и несогласія ея опекуна, судьи.

V

— «Въ одинъ вечеръ мы сидѣли вдвоемъ въ залѣ tête-à-tête.

— Скажите, робко и искренно спросилъ я дѣвушку,— почему вы не вышли замужъ за помѣщика или лѣсничаго?

— Они мнѣ не нравятся, отвѣчала она.

— Они молодые люди... началъ было я.

— Молодость,—перебила она меня,—еще не составляетъ для меня залога счастія въ будущемъ. Да и вообще, я положила себѣ выдти замужъ за того, кого я сама полюблю и котораго могу уважать... Будь онъ сорока, пятидесяти лѣтъ, мнѣ все равно... Лишь бы онъ полюбилъ меня дѣйствительною, истинною любовью, а не, знаете, этакимъ гаденькимъ чувствомъ, называемымъ любовью... Скажите, за что меня полюбили эти женихи? За то только, что я молода и красива... Но, поняли ли они меня? Нѣтъ! Повторяю вамъ, я выйду за того, кто полюбитъ меня и оцѣнитъ... Я готова даже на жертву. Вѣрьте мнѣ, я человѣка пожилыхъ лѣтъ полюблю даже охотнѣе... Это мой идеалъ.

— Это одни слова! произнесъ я съ досадою, не давая себѣ отчета въ томъ, что говорю.

— Какъ слова? спросила она съ изумленіемъ.

— Такъ. Фразы эти я уже слышалъ, продолжалъ я въ томъ же настроеніи. А полюби, напримѣръ, васъ я въ свои года, полюби и оцѣни серіозно, вы бы отвѣчали мнѣ отказомъ, когда бы я сдѣлалъ вамъ предложеніе...

— Я? вскричала она,—никогда...

— И вы это говорите обдуманно?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ,—съ увлеченіемъ сказалъ я ей,—я дѣлаю вамъ предложеніе... Но прежде я разскажу вамъ подробно всю свою біографію... Выслушайте меня...

И я разсказалъ ей все.

— Что вы скажете? спросилъ я ее по окончаніи своего разсказа.

— Я отвѣчу сейчасъ только то, что я люблю васъ уже давно; но утвердительный отвѣтъ я вамъ скажу завтра утромъ... Прощайте, дайте мнѣ подумать обо всемъ.

А. Шкляревскій.

(До слѣдующ. №).

Славная штука

ОЧЕРКЪ СЪ НАТУРЫ.

I

Девять часовъ яснаго зимняго утра. Лавки и амбары въ московскихъ рядахъ отперты, прикащики толкаются въ неуспѣвшихъ еще наполниться рядахъ и отъ скуки или ѣдятъ что либо, или передаютъ другъ другу незатѣйливыя новости. Отпертъ амбаръ и оптоваго торговца дамскими готовыми вещами Петра Спиридоновича. Фамилія его... впрочемъ дѣло не въ фамиліи. Двое прикащиковъ заняты укладкою въ ящикъ, устланный бумагою, разныхъ дамскихъ принадлежностей, готовящихся къ отправленію на Ирбитскую ярмарку, третій прикащикъ ѣстъ пироги, стоя за прилавкомъ, а четвертый ведетъ разговоръ съ сосѣдями, или по рядскому выраженію «чешется». Вдали ряда показывается высокая, стройная фигура молоденькой дѣвушки. Дѣвушка небогато, но опрятно и со вкусомъ одѣта и замѣчательно хороша собой. Все это не ускользнуло отъ вниманія «чесавшихся».

— Вотъ, братцы, штука-то! замѣтилъ одинъ.

— Д-да, первой доброты, согласился другой.

Дѣвушка между тѣмъ приближалась. Хотя, какъ я уже говорилъ, торговля у Петра Спиридоновича была оптовая, но прикащикъ его счелъ нужнымъ обратиться къ дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Не покупаете ли что нибудь-съ?—причемъ онъ довольно близко нагнулся къ ея лицу.

Отстранившись отъ назойливаго торгаша, дѣвушка отвѣчала вопросомъ:

— Гдѣ здѣсь лавка Петра Спиридоновича?

— Здѣсь-съ, пожалуйте-съ,—указалъ прикащикъ и, входя вслѣдъ за дѣвушкой въ амбаръ, обернулся къ оставшимся въ ряду пріятелямъ и подмигнулъ имъ, глупо улыбаясь.

Войдя въ амбаръ, посѣтительница подошла къ прикащику, ѣвшему пироги за прилавкомъ, и начала объяснять ему причину своего посѣщенія. Въ это время въ амбаръ вошелъ выѣхавшій въ городъ самъ Петръ Спиридоновичъ и, молясь передъ украшенной вызолоченной ризою иконой, осмотрѣлъ посѣтительницу и подумалъ: «славная штука!» Затѣмъ онъ подошелъ къ прилавку и, взглянувъ въ хорошенькое личико дѣвушки, спросилъ:

— Что это изволите спрашивать?

— Они желаютъ получать отъ насъ работу, объяснилъ прикащикъ.

— Работу... тэкъ-съ, протянулъ Петръ Спиридоновичъ, видимо любуясь дѣвушкой.

Старая истина, что хорошенькая женщина не получаетъ отказа въ своихъ исканіяхъ; такъ случилось и тутъ. Приди за тѣмъ же дѣвушка некрасивая или женщина старая, Петръ Спиридоновичъ вѣроятно отвѣтилъ бы, что у насъ, молъ, работа вся роздана, дѣло заведено, зайдите какъ нибудь понавѣдаться... или что нибудь въ этомъ родѣ. Петръ Спиридоновичъ былъ селадонъ въ высшей степени и не могъ отказать хорошенькой просительницѣ. Узнавъ, какую работу желаетъ взять посѣтительница и объявивъ свои условія, Петръ Спиридоновичъ рѣшился дать работу. Однако, какъ аккуратный купецъ, онъ, не давая воли увлеченію, поступилъ съ достодолжной осмотрительностью.

— Какъ ваше имячко? спросилъ онъ.

— Прасковья Николаевна Новицкая, отвѣчала дѣвушка.

— Запиши, приказалъ Петръ Спиридоновичъ прикащику.

Тотъ записалъ имя, фамилію и адресъ.

— Родителевъ имѣете? полюбопытствовалъ Петръ Спиридоновичъ.

— Нѣтъ, я живу съ старшей сестрой.

— Тэкъ-съ.

— Работали на кого нибудь?

— Нѣтъ еще, ни на кого изъ торговцевъ не работала, только хочу начать.

— Что нужды, привыкнете. У насъ работы вдоволь, только чтобъ все въ аккуратѣ было, а остановки въ платѣ не будетъ...

— Такъ вы мнѣ позволите взять сейчасъ?

— Нѣтъ-съ, надоть еще приготовить; вечеромъ парень принесетъ къ вамъ, опять же и фатеру вашу узнать надоть,—можетъ быть, дослать когда придется.

— Ну, хорошо, такъ до свиданія,—слегка кивнувъ головой, сказала Прасковья Николаевна.

— До свиданія, будьте безъ сумлѣнія, пришлемъ.

Новицкая вышла. Дѣло въ амбарѣ пошло обычнымъ, изстари заведеннымъ порядкомъ, но только всѣ четверо прикащиковъ думали: кому-то изъ нихъ «самъ» прикажетъ доставить работу хорошенькой Прасковьи Николаевнѣ? и каждый всей душой желаетъ, чтобы порученіе это дано было именно ему.

Вечеромъ передъ тѣмъ, какъ запирать амбаръ, матеріялъ для работы былъ приготовленъ, и Петръ Спиридоновичъ, поручая одному изъ прикащиковъ отнести работу къ Новицкой, вновь подумалъ: «славная штука!»

II

Видали ли вы когда нибудь влюбленнаго купца изъ типа Титъ Титычей, изъ разряда увѣсистыхъ замоскворѣцкихъ кряжей? Вопросъ странный, даже дикій, не правда ли? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Каждый убѣжденъ, что «заправское» купецкое сердце неспособно къ воспринятію тонкихъ ощущеній любви. По мнѣнію всѣхъ, купчина можетъ ненавидѣть, можетъ снизойти до ласки, когда душа его, такъ сказать, распарится, но любить... нѣтъ, этого невозможно и предположить. Это мнѣніе общее и я беру на себя смѣлость опровергнуть его на основаніи правила, что исключенія бываютъ. На этотъ разъ Петръ Спиридоновичъ оказался такимъ исключеніемъ. Петръ Спиридоновичъ, богатый купчина, отецъ многочисленнаго семейства, человѣкъ, которому перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, субъектъ довольно почтенныхъ размѣровъ, былъ влюбленъ! Правда, между любовью «самого» Петра Спиридоновича и любовью инаго юноши была большая разница. Петръ Спиридоновичъ не писалъ стиховъ къ предмету своей страсти, не вздыхалъ и не охалъ, мечтая въ одиночествѣ, не лишился аппетита и даже робко не вздрагивалъ и не краснѣлъ при неожиданной встрѣчѣ съ предметомъ. Всѣ отправленія организма Петра Спиридоновича, какъ организма плотно и солидно построеннаго, были правильны; мысли его не путались, потому что не заходили далеко, и взоръ не сдѣлался сентиментальнѣе. Вообще любовь не сдѣлала въ немъ никакой видимой перемѣны; но все-таки онъ былъ влюбленъ и сознавалъ въ себѣ присутствіе этого чувства. Я даже долженъ сказа[illegible]о чувство это перешло въ нем[illegible] резъ нѣсколь[illegible]й. Сперва онъ любовал[illegible]овиц-кой какъ хорош[illegible]дѣвушкой; за[illegible]цѣнилъ ее какъ дѣвушку ум[illegible], и другое сли-лось вмѣстѣ. Конечн[illegible]атѣм[illegible]пиридоновичъ не проводилъ паралели между [illegible]нь[illegible]й Николаевной и своей

благовѣрною сожительницей, но трудно сказать, чего бы онъ не сдѣлалъ для Новицкой и чего бы она изъ него не сдѣлала, если бы захотѣла. Но Прасковья Николаевна ничего въ немъ не заискивала, ничего не хотѣла изъ него дѣлать и даже не подозрѣвала, какія нѣжныя чувства питаетъ къ ней солидное сердце Петра Спиридоновича. А Петръ Спиридоновичъ изыскивалъ возможность, искалъ приличный предлогъ, чтобы посѣтить Новицкую. И наконецъ предлогъ былъ отысканъ.

Какъ-то прикащикъ объявилъ Петру Спиридоновичу о необходимости приготовить какую-то вещь. Это было спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ Новицкая начала работать.

— Я думаю послать къ Новицкой, сказалъ прикащикъ,—она скоро и чисто работаетъ.

— Ну что-жь, пошли. Да она гдѣ живетъ-то?

Прикащикъ сказалъ.

— А-а! Ну такъ мнѣ нынче надоть ѣхать въ ту сторону, я и завезу, чѣмъ парня-то гонять. Приготовь все, а лошадь выѣдетъ, вынеси въ сани, да адресъ-то ея напиши мнѣ на бумажкѣ появственнѣй.

— Хорошо-съ.

Петръ Спиридоновичъ обрадовался возможности посѣтить Новицкую и молилъ судьбу, чтобы сама Прасковья Николаевна зачѣмъ нибудь не зашла въ амбаръ. Но Новицкая сама не пришла, и какъ только лошадь выѣхала, Петръ Спиридоновичъ помчался по адресу.

Встрѣтили его въ маленькой, но чистенькой квартиркѣ сама Прасковья Николаевна и сестра ея Анна Николаевна, дѣвушка уже почтенныхъ лѣтъ.

— Петръ Спиридоновичъ! удивилась Прасковья Николаевна.

— Я самый и есть, говорилъ Петръ Спиридоновичъ, сбрасывая въ передней шубу и подавая Новицкой свертокъ съ матеріаломъ.—Вотъ разсмотрите, тутъ работа спѣшная,—прибавилъ онъ, снимая колоши и входя въ комнату,—ну, здравствуйте.

— Здравствуйте, прошу васъ садиться, пригласила Новицкая,—что это вы сами-то безпокоились? спросила она, разсматривая работу.

— Да что, дѣло-то спѣшное, а мнѣ въ вашу сторону ѣхать надоть было, что-жь парня-то зря гонять?

Скоро былъ поставленъ самоваръ, и Петръ Спиридоновичъ за чаемъ и веселой бесѣдой провелъ два часа такъ, какъ ему никогда или очень рѣдко приходилось [illegible]водить.

III

Конечно, [illegible] вынесенныя дѣйствующими лицами этого очерка изъ бе[illegible] были крайне противуположны. Петръ Спиридоновичъ [illegible] ведя два часа вмѣстѣ съ Прасковьей Николаев[illegible] [illegible]влекся ею окончательно, если только подобное выраженіе можетъ идти къ нему. Хотѣлось ему посидѣть подолѣе, но отношенія были таковы, что это казалось неловкимъ; хотѣлось что-то сказать ей, кромѣ того, что говорилось, но что именно хотѣлось сказать, онъ не могъ уяснить себѣ и уѣхалъ отъ Новицкой не совсѣмъ довольный собою. Онъ сознавалъ только, что онъ былъ у нея и что визитъ состоялся не такъ, какъ бы ему того хотѣлось. Вообще Петръ Спиридоновичъ хотя и недоволенъ былъ этимъ визитомъ, но увезъ съ собою убѣжденіе, что имъ прожито два пріятныхъ часа, но что онъ не умѣлъ, или вѣрнѣе, былъ поставленъ въ неловкое положеніе придать бесѣдѣ иной колоритъ... Прасковья Николаевна отнеслась къ посѣщенію Петра Спиридоновича иначе. Ее радовало, что она, едва начавъ работать, успѣла угодить закащику. Онъ самъ привезъ ей спѣшную работу, слѣдовательно ея обязанность исполнить ее скорѣе и по возможности аккуратнѣе. Какъ видится, шансовъ для Петра Спиридоновича на успѣхъ въ его любовныхъ дѣлахъ представлялось не слишкомъ много. Но Петръ Спиридоновичъ былъ богатъ, Новицкая—бѣдна, слѣдовательно онъ могъ имѣть тутъ свои соображенія... и онъ имѣлъ ихъ.

Этими-то соображеніями онъ и занимался, ѣхавши отъ Новицкой.

«Дѣлишки-то ея кажись не гораздо шибко куражатъ, думалъ онъ,—надоть ей ходъ дать, тогда можетъ статься и того»....

Вскорѣ по отъѣздѣ Петра Спиридоновича, старшая Новицкая не успѣла еще убрать чайную посуду, какъ въ переднюю вошелъ молодой человѣкъ.

— Ахъ, вы грѣховодники! крикнулъ онъ, сбрасывая драповое пальто,—что же это вы меня чай-то пить не подождали?

— Александръ Егоровичъ, это вы? спросила Анна Николаевна.

— Я самый.

И Александръ Егоровичъ, потирая озябшія на морозѣ руки и весело улыбаясь, вошелъ въ комнату.

Александръ Егоровичъ Семеновъ былъ студентъ послѣдняго курса, былъ онъ человѣкъ бѣдный, жилъ уроками, былъ безъ памяти влюбленъ въ Прасковью Николаевну и любимъ ею. Они были женихъ и невѣста и ждали болѣе лучшихъ обстоятельствъ, чтобы надѣть на себя цѣпи Гименея.

— Хороша хозяйка, нечего сказать! говорилъ Семеновъ, поздоровавшись съ Новицкой,—я тороплюсь, бѣгу съ урока, думаю, вотъ-вотъ чайкомъ меня побалуютъ. Не тутъ-то было!

— Утѣшься, улыбнулась Новицкая,—это былъ чай для гостя...

— Для гостя? Интересно узнать, что это за гость.

— Серьезно, купецъ одинъ пріѣзжалъ.

— Вотъ какъ, у тебя купцы завелись.

— Да, еще бы!—И Новицкая разсказала жениху причину посѣщенія Петра Спиридоновича.

— Все это отлично, только нѣсколько странно, что богатый купецъ, имѣющій прикащиковъ, развозитъ самъ работу, мнѣ кажется, это не безъ цѣли, сказалъ Семеновъ.

— Ревнуй, ревнуй, только мало ревнуешь. Петръ Спиридоновичъ настолько толстъ, что тебѣ слѣдуетъ увеличить дозу ревности, смѣялась Новицкая.

— Шути не шути, а я тебѣ совѣтую держать ухо востро.

— Какой ты глупый...

IV

Прошло нѣсколько времени, и соображенія Петра Спиридоновича приняли нѣсколько опредѣленную форму. Какъ-то Новицкія сидѣли за работой, какъ явился Петръ Спиридоновичъ. Хозяйки, понятно, были удивлены его появленіемъ.

— Что вы опять спѣшную работу привезли? спросила Просковья Николаевна.

— Нѣту, работы-то я хучь и не привезъ, а всячески пріѣхалъ по дѣлу.

Усѣлись, и Петръ Спиридоновичъ началъ излагать свое дѣло.

— Видите, матушка моя,—говорилъ онъ, обращаясь къ Прасковьѣ Николаевнѣ,—работы, какъ вы знаете, у насъ вдоволь, а только ваша-то братія не всегда аккуратна бываетъ. Изъ эвтаго самаго и для насъ непріятность выходитъ. Аккуратность въ нашемъ дѣлѣ прежде всего. Объ этомъ-то я и пріѣхалъ поговорить съ вами

— Развѣ я не аккуратна?

— Нѣту-съ, про васъ этого сказать нельзя, потому-то я и хочу спросить васъ, не можете ли вы брать работы побольше?

— Тогда я не успѣю, вѣдь мы работаемъ только съ сестрой

— Что нужды, пословица говорится: было бы болото, а черти будутъ—было бы м... работы, а то можно и принанять. Вы аккуратны; что нужды, ... съ вами не долго дѣло дѣлаемъ? человѣкъ-то видѣнъ. ... заведеньице, мастерицъ наберите. Ежели, такъ будьте ... говорить, подняться вамъ нечѣмъ, я могу помочь, ... съ тѣмъ, чтобы вы, значитъ, на меня работа...

Предложеніе Петра Спиридоновича было ... вицкимъ. Возможность выбиться изъ нуж... существовать самостоятельнымъ, обе... домъ, все это довольно заманчиво. Къ тому же предложеніе Петра Спиридоновича ни къ чему не обязывало Прасковью Николаевну. Но все таки, помня совѣтъ Семенова, она по возможности обезопасила себя ото всякихъ поползновеній Петра Спиридоновича, или иначе сказать, постаралась насколько возможно вывѣдать его мнѣніе относительно себя. Петръ Спиридоновичъ хотя и не былъ ловкимъ ухаживателемъ, но все-таки съумѣлъ замаскировать свои соображенія.

Такимъ образомъ дѣло уладилось. Прасковья Николаевна открыла мастерскую, набрала мастерицъ, поставила машину, черезъ мѣсяцъ другую, а къ концу зимы успѣла уже расплатиться съ Петромъ Спиридоновичемъ и работа въ ея мастерской кипѣла, покрывая расходы и давая порядочный рессурсъ. Петръ Спиридоновичъ посѣщалъ иногда Новицкую, но никакъ не могъ приступить прямо «къ дѣлу». Наконецъ онъ не выдержалъ и спросилъ у нея одинъ разъ, можно ли ему будетъ пріѣхать къ ней какъ нибудь—не такъ, какъ онъ выразился.

— Какъ же? спросила Новицкая.

— Ну, такъ, знаете, пображничать чуточку.

— Это зачѣмъ же?

— Эхъ! какая вы чудная, право. Вѣдь вотъ я смотрю, дѣло у васъ пошло на ладъ, какъ слѣдуетъ, ну мнѣ это пріятно, потому какъ я тутъ все таки причиненъ. Ну и пріятно бы было этакъ, знаете, вспрыски сдѣлать.

— Что касается до этого, сдѣлайте одолженіе.

— Ну вотъ и ладно! стало-быть, я пріѣду, привезу кое чего, мы и того....

— Для чего же привозить? У меня найдется.

— Ну ужь это такъ водится.

— Ну ужь если такъ водится, то я не спорю, смѣялась Прасковья Николаевна.

Получивъ позволеніе «пображничать», Петръ Спиридоновичъ долго ломалъ голову, какъ бы устроить это бражничанье попикантнѣе. Изъ всѣхъ предположеній болѣе удобными казалось ему одно: у Петра Спиридоновича былъ одинъ закадычный другъ, отъ котораго у него не было секретовъ и который въ свою очередь отвѣчалъ Петру Спиридоновичу полной откровенностію. Частенько друзья закучивали вмѣстѣ и занимались тайными амуретами. Другъ Петра Спиридоновича былъ мучной торговецъ Семенъ Силантьевичъ Крупчаткинъ. Съ этимъ то другомъ и происходилъ у Петра Спиридоновича однажды разговоръ такого рода:

...лантьичъ, какъ бы намъ съ тобой нынче удила... сказалъ Петръ Спиридоновичъ, ...финомъ рябиновой.

объемис...

Я хочу вамъ разсказать,
Какъ дѣвицы шли гулять...

— Нѣтъ, это ты, Силантьичъ, не о томъ, я, братъ, теперь умственную штуку обладилъ.

— Нешто?

— Я те вѣрно говорю. Что, братъ, то все одно только выматываніе денегъ, а великатности и удовольствіевъ никакихъ.

— Што-жь, ай завелъ?

— Это-то не фигура, а только штука славная. Только, братецъ, слышь, молчокъ, — и Петръ Спиридоновичъ разсказалъ другу все, что съ его стороны можно было разсказать о Новицкой, заключивъ свой разсказъ предложеніемъ: — ну что-жь, ѣдемъ что ли сейчасъ?

— Чего же не ѣхать, ѣдемъ!

Пріятели допили графинчикъ, снарядили одинъ кулекъ съ закусками и лакомствами, другой съ выпивкой и двинулись.

Было часовъ восемь вечера. Новицкіе и Семеновъ сидѣли за чаемъ, когда въ сѣняхъ послышался громкій топотъ, затѣмъ дверь отворилась, въ передней послышалось сопѣнье.

— Тута, што-ль? спросилъ Семенъ Силантьевичъ.

— Лѣзь, лѣзь смѣлѣй, поощрялъ Петръ Спиридоновичъ, — и два друга, каждый съ огромнымъ кулькомъ въ объятіяхъ, вдвинулись въ переднюю.

Семеновъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту сцену, но посѣтители вошли и началось представленіе. Новицкая представила Семенова, Петръ Спиридоновичъ Крупчаткина. Завязалась бесѣда, развязались кульки и пошло ликованье.

— Эхъ, какъ я радоваюсь, Прасковья Николавна, что это самое дѣло тебѣ устроилъ, — сказалъ Петръ Спиридоновичъ.

— Вы мнѣ сдѣлали больше, нежели думаете, отвѣтила Новицкая.

— То-есть какъ?

— Я была бѣдная дѣвушка, не имѣвшая ничего; съ вашей поддержкой я получила возможность жить, не нуждаясь. Вотъ позвольте вамъ представить моего жениха и попросить васъ въ будущее воскресенье къ намъ на благословеніе.

Пріятели вытаращили глаза.

— То-есть, какъ жениха?

Спиридоновичъ

тротуарѣ при свѣтѣ газоваго фонаря взглянули другъ на друга.

— Петръ Спиридонычъ, кажись ты, братъ, чужой возъ подвезъ? проговорилъ Крупчаткинъ.

— Кто-жь ее зналъ-то? Ну, да наплевать, только никому не сказывай.

Капитанъ Нэмо.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

КУКЛЫ.

У маленькой Саши, друзья,
Всегда было много игрушекъ,
И тѣшилась ими семья
Такихъ же, какъ Саша, рѣзвушекъ.

Что крику бывало у нихъ,
Что куколъ повсюду валялось—
Безрукихъ, безногихъ—такихъ,
Что глядя душа надрывалась.

Шалунья все таже—ей-ей,
И тѣшится нынче, какъ прежде,
Надъ куклами въ формѣ людей
Въ военной и статской одеждѣ.

Ихъ держитъ сурово она,
Но только носовъ не ломаетъ:
Бездушная, — всѣмъ имъ одна
Большіе носы наставляетъ.

Графъ Ив. М—а.

ПАРОДІЙКИ

I

Мы въ жизни своей коловратной
Шли разной дорогой всегда:
Долги ты платилъ аккуратно,
А я, никому—никогда!

Кутилъ отъ души презирая,
Ты воли страстямъ

донынѣ кучу я—
я не знаю того!

А. Г—чевъ.

МОЗГОЛОМНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ФИЛОСОФА ИЗПОДТИШКИНА.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Въ предъидущей лекціи, высокоуважаемые слушатели, объяснилъ я вамъ происхожденіе дыры, нынѣ артезіанскою именуемой. Но мы не должны забывать, что съ сею дырою купно связана и прикрывающая ее башня. Башня эта, какъ и все существующее, имѣетъ свое происхожденіе, но не то, какое приписывается ей новѣйшими учеными. Башня сія произошла и потомъ водворилась на мѣстѣ нынѣшняго нахожденія тако. Извѣстно, что великій полководецъ Александръ Македонскій, стремяся обезпечить свои завоеванія въ Египтѣ, основалъ тамъ городъ, названный имъ Александріею. Въ семъ-то городѣ, по совѣту учителя Александра Великаго, Аристотеля, получила начало знаменитая Александрійская библіотека, при которой состояло много такихъ же какъ и я философовъ и ученыхъ. Между сими высокими мужами былъ нѣкто Птоломей, астрономъ, полагавшій вращеніе солнца кругомъ земли. Для болѣе удобнаго наблюденія, Птоломей сей невдалекѣ отъ Александріи поставилъ не гораздо высокую башню, въ которой и жилъ самъ. Хотя сей ученый и ошибался въ своихъ воззрѣніяхъ, но ученіе его продержалось пятнадцать вѣковъ, посему и память мужа сего не должна быть забвенна, ибо міръ въ теченіе толико долгаго времени неукоснительно вѣрилъ въ его воззрѣнія. Высокоученый халифъ Бабиносъ-аль-Сумбуръ по окончаніи похода на Грецію за дырой поселился среди Гласноразинь, поселивъ тутъ же и народъ свой Ерундистовъ. Пришлецы Ерундисты сошлися съ Гласноразинями и самъ халифъ Бабиносъ вельми искусился въ мѣстномъ обычаѣ вожденія за носъ. Прошло не мало лѣтъ и Гласноразини стали замѣчать, что чудесная дыра, открытая вліянію стихій, начала терять свою прежнюю форму и засыпаться прахомъ. Подумавъ мало, приступили къ ученому халифу Бабиносу, глаголя тако: — «Подобаетъ ли такой важной дырѣ открытой быти для хлябей небесныхъ и засыпатися прахомъ, отрясеннымъ съ ногъ нашихъ? О, великій халифъ Бабиносъ! созиждемъ надъ дырою храмину нѣкую, да защищаетъ ее отъ непогоды, и вселимъ въ храмину прислужника, да блюдетъ и хранитъ дыру». — Не подобаетъ намъ созидать своими руками храмину надъ дырою, имѣющею столь великое прошлое, — возгласилъ Бабиносъ, — уразумѣлъ я нѣчто болѣе подобающее. — «Что уразумѣлъ повѣдай намъ, не сумляся ни мало!» возопили Гласноразини и Ерундисты купно. — На далекомъ берегу Сиріи, — такъ сказалъ Бабиносъ, — есть градъ, именуемый Александрія, близъ града сего стоитъ башня, служившая жилищемъ Птоломею и подножіемъ ему въ его астрономическихъ наблюденіяхъ. Воздвигнемтесь туда, принесемте зданіе и прикроемте башнею Птоломея дыру Архимедову». Съ великими ликованіями и радостію приняли Гласноразини и Ерундисты вѣсть сію, препоясались мечами и съ кликомъ: идемъ изымемъ башню великую! предстали предъ Бабиноса. Но сей великій мужъ увѣщевалъ ихъ, глаголя тако: — «Почто воздвигнемся ратію? Колико пріятно изъять башню сію, толико пріятно сохранить кровь сущихъ на землѣ. Пошлемъ туда витязя отъ насъ, да узнаетъ, не уступятъ ли намъ башню ту за сребренники». Былъ въ то время въ странѣ сей нѣкто изъ племени Ерундистовъ Мостило-богатырь. На сего-то мужа палъ выборъ и ему-то поручили Гласноразини, да грядетъ въ страны невѣдомыя, отыщетъ башню Пталомееву и учинитъ переговоры о ней, а купно съ тѣмъ дѣломъ посмотритъ по пути, гдѣ дороги лучше строятся, нежели Гласноразини устрояютъ. Задумался Мостило-богатырь и началъ сумлятися. — «Како, глаголалъ онъ, возьмусь я за подвигъ сей? Ни въ наукѣ Птоломеевой, ни въ устроеніи путей-дорогъ ниже малого пониманія не имѣю. Надѣлила меня природа двумя качествами: смѣлостью неизреченною и любовію къ цвѣтамъ и злакамъ непреложною. Что подѣлаю и чѣмъ полезнымъ буду въ дѣлѣ семъ ладая сими качествами?» Но не приняли Гласноразини и Ерун чсты отповѣди Мостилы-богатыря, и сей, взявъ три тысячи сребренниковъ и препоясася мечемъ ка нымъ въ знакъ своего мир-

наго шествія, отыде. По истеченіи многаго времени возвратился Мостило-богатырь и объявилъ тако: — «Ходилъ я, братія мои, не пошто и принесъ ничего. Башню, за коей посланъ быхъ, не отдаютъ за сребренники, отвѣтствуя, что она ничего не стоитъ, сирѣчь, безцѣнна, что же касательно строенія дорогъ, то такъ какъ путь мой лежалъ моремъ, то кромѣ воды и въ отповѣди моей ничего вы не встрѣтите. Три тысячи сребренниковъ, данныхъ мнѣ, неукоснительно издержалъ въ дорогѣ». Выслушавъ отповѣдь посланца своего, халифъ Бабиносъ воскликнулъ: — «Теперь, други мои, препояшемся мечами, воздвигнемъ рать на враговъ нашихъ, изымемъ башню Птоломея изъ рукъ ихъ и прикроемъ ею дыру Архимедову». И собра Бабиносъ воинство веліе, и готовяся къ походу. Когда все было готово, то, почесавъ затылокъ, Мостило-богатырь вопросилъ: — «Како двинешься со ратію? путь предстоитъ моремъ, а у насъ нѣтъ ниже ладьи рыбачьей?» И смутися духомъ халифъ Бабиносъ, и, подумавъ долго, рѣшилъ, како поступить въ семъ затрудненіи. Ерундисты, переселяясь къ Гласноразинямъ, принесли съ собою клубъ, рѣчнымъ именуемый. Въ клубѣ томъ было судно, вельми искусно устроенное и движущееся паровою силою. На семъ-то суднѣ и рѣшилъ Бабиносъ перевести къ Александріи свою милліонную рать. Но какъ суденышко поднимало только троихъ людей, то Бабиносъ рѣшилъ отправляться по трое, двоимъ оставаться на берегу близь Александріи, а одному возвращаться. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока весь милліонъ солдатъ не былъ переправленъ, тогда Бабиносъ двинулся войною на александрійцевъ, изъялъ башню изъ рукъ ихъ, перевезъ и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она и доселѣ обрѣтается. Тутъ было ликованіе великое, зарыто много талантовъ въ землю и принесено въ жертву великое множество мозговъ телячьихъ. И такъ, уважаемые слушатели, вотъ происхожденіе дыры и башни, нынѣ артезіанскими именуемыми.

И. В.

Ее весной я увидалъ
И пульсъ во мнѣ сталъ биться *presto:*
Я инстинктивно угадалъ
Что въ сердцѣ ей   емъ есть мѣсто.

Sensibile съ ней говорилъ,
На дачѣ, цѣлое я лѣто,
Мечтами въ небѣ я   рилъ,
Мнѣ все казалось *allegretto!*

Когда устраивался балъ,
Спѣшилъ я *molto* разодѣться,
Когда другой съ ней танцовалъ,
Сидѣлъ одинъ я *con tristezza.*

Росла *crescendo* къ ней любовь,
Мой разговоръ шелъ *agitato*
И волновалася вся кровь,
И сердце прыгало *staccato.*

Ушелъ разъ вечеромъ я съ ней
Въ лѣсную чащу недалеко,
И выразилъ любовь яснѣй,
Amabile и *con fuoco.*

Я позабылъ въ тотъ мигъ весь свѣтъ
И попросилъ на память ленту;
Отдавъ ее, она въ отвѣтъ: —
«И я люблю васъ, *piu lento*».

Пришла осенняя пора,
Я въ городъ скоро перебрался
И, *moderato*, тамъ съ утра
У ней подъ окнами все шлялся.

И вотъ дано свиданье мнѣ
Разъ на Рождественскомъ бульварѣ,
Expressioso я въ огнѣ,
Спѣшилъ туда въ любовномъ жарѣ.

Зима настала наконецъ,
Сижу съ ней тамъ же *con amore.*
Какъ вдругъ мнѣ дѣва: «ахъ, отецъ»!
Рекла съ боязнію во взорѣ.

Я съ дѣвой не успѣлъ уйти,
Отецъ предъ нами *timoroso*:
— «Вотъ гдѣ пришлось тебя найти!»
Я, взявши *tempo maestoso*,

Кричу: не тотъ ужь нынче свѣтъ,
Ее, прошу васъ, вы не троньте,
Ей, слава Богу, двадцать лѣтъ
И жить ей можно *sua sponte!*»

— «Ты кто?» — Я, сударь? я для нихъ
Готовъ итти въ огонь и въ воду!»
Вдругъ дѣва *dolce*: — «онъ женихъ
И вѣрно будетъ вамъ въ угоду!

Его я сердцемъ избрала
И быть его женою рада!»
Я вижу дѣва наврала,
Но поддержать ее вѣдь надо.

«Въ своихъ намѣреньяхъ я чистъ!»
Я *furioso* тутъ отвѣтилъ,
(Я страхъ тогда какъ былъ рѣчистъ
И это даже самъ замѣтилъ);

Adagio тогда отецъ
Сказалъ: — «бери, моя вотъ лапа,
Ты, вижу, честный молодецъ,
И такъ сказалъ бы мнѣ *da capo*!

Diminuendo мы домой
Шагаемъ вдоль всего бульвара,
Тутъ умъ освободился мой
Ужь отъ любовнаго угара.

Subitamente отставать
Я началъ очень торопливо
И вдругъ ударился бѣжать
Я *sforzo* и *allegro vivo*!...

Stridendo дѣва ну орать,
А я бѣгу, что только мочи,
Какъ будто бѣсовъ страшныхъ рать
За мной гналась во мракѣ ночи!

Отца я голосъ различалъ:
Онъ звалъ меня *con tenerezza*,
А я все дальше удиралъ,
Спѣша домой, чтобъ запереться.

Прошли давно тѣ времена!
Теперь живу я *molto lento*.
Осталась память мнѣ одна
Отъ дѣвы той съ головки лента!

А. Д—жій.

ОВЫЯ НОВОСТИ

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ, съ новыми побѣдами поздравляю васъ, Милей Милеевичъ! Давно мы съ вами не видались, батюшка!

— И тебя также поздравляю, старина, давай Богъ намъ въ новомъ году побѣдъ еще больше, чтобъ турк совсѣмъ изъ Европы выгнать.

Богъ, Милей Милеичъ; дай Богъ, чтобы съ было во всемъ полное

рынковъ не строила, о городскихъ бы доходахъ больше заботилась, во-время бы фонари зажигала и тушила, площади бы мела и чистила, мертвыхъ бы рынковъ не открывала, адресные бы билеты уничтожила, бойни бы выстроила, ночлежные бы дома и теплые плоты, извощиковъ бы въ приличный видъ поставила, Красную бы площадь отъ зловьнія очистила; заботилась бы о городѣ такъ, какъ петербургская Дума заботится, каждую бы конеечку городскую къ сундуку гвоздикомъ прибивала, для коровъ бы парковъ не устраивала, бѣдныхъ бы торговцевъ на рынкахъ мѣстами не тѣснила, чтобы трактирная повинность раскладывалась по совѣсти, а не по пріятельски, чтобы въ думской канцеляріи порядокъ былъ, чтобы за справками по недѣлѣ не ходить, чтобы думскіе чиновники на вопросы приходящимъ отвѣчали и носовъ бы не отворачивали вмѣсто отвѣта, чтобы торговая полиція почище рынки осматривала, чтобы она фотогенъ поменьше жалѣла да имъ тухлятину, которую назначаютъ жечь, поливала, чтобы она съ дороги назадъ не ворочалась опять въ лавки, чтобы она рыбныя лавки потщательнѣе передъ постами осматривала, чтобы у насъ каждый постъ въ Москвѣ человѣкъ по 20-ти не отравлялось. Вотъ дай Богъ чего матушкѣ Москвѣ въ новомъ году дождаться отъ Думы нашей.

— Хорошо бы, старина, твоими устами медъ пить, да больно много ты наговорилъ, — цѣлый реестръ. Вотъ погоди, шести-милліонный заемъ сдѣлаемъ, тогда въ Москвѣ берега у Москвы-рѣки будутъ кисельные, а вмѣсто воды медъ потечетъ, а теперь денегъ нѣтъ, говорятъ, въ Думѣ. А вотъ насчетъ теплаго рынка, такъ Дума еще хочетъ строить на Земляномъ валу и другой мертвый рынокъ устроить намѣрена: всѣмъ торговцамъ, что въ палаткахъ на Земляномъ валу торговали, предлагаютъ перебираться въ Лефортово торговать, около нѣмецкаго кладбища, потому что въ той сторонѣ рынка нѣтъ.

— Да неужели, Милей Милеичъ, вы не шутя говорите, что Дума шестимилліонный заемъ хочетъ сдѣлать?

— Не шутя, старина: и коммисія выбрана, и предметы объяснены, на что шесть милліоновъ затрачены будутъ. Вопросъ этотъ по ихнему, какъ они говорятъ, въ принципѣ рѣшенъ, стало за однимъ — какъ гласные примутъ — утвердятъ или откажутъ; за этимъ дѣло стало, а рѣшить будетъ надо, и рѣшатъ пожалуй такъ, что

Новая Андромеда ждетъ своего Персея, который бы избавилъ се отъ (за)морскаго чудовища.

Новая Сандрильона, превращенная шаловливой феей-Антрепризой въ примадонну Итальянской оперы.

— Да на что же, Милей Милеичъ, заемъ-то дѣлается? Скажите, на какіе предметы, если можно?

— Отчего нельзя, можно, это не секретъ—напечатано: 1-е: мостъ Каменный малый новый будетъ,—этотъ нехорошъ сталъ: давно стоитъ и починки не требуетъ.

— Ну, это бы, Милей Милеичъ, можно погодить.

— Ну, потомъ еще въ Москвѣ на 25 верстъ новыхъ бульваровъ проложатъ, бойни выстроятъ, Винный и Соляной дворъ перестроютъ и Охотный рядъ туда переведутъ, асфальтовыя мостовыя сдѣлаютъ, поливку устроютъ по всѣмъ улицамъ, колодцы сдѣлаютъ, новыя набережныя устроютъ, крутицкіе берега укрѣпятъ, училищъ прибавятъ, Москву-рѣку очистятъ, Самотеку очистятъ—100 тысячъ на это ассигновано.

— Словно многонько, Милей Милеичъ?

— Да, есть тотъ грѣхъ, что тарово назначили. Канализацію хотятъ устроить, музеевъ еще прибавить; хотѣ і театры устроить общедоступные, да похѣрили

– А не лишне бы было,
народу простому
все хоть слово у
и домой придетъ
прежде

тысячъ ассигнуютъ, крытыхъ рынковъ еще настроютъ, фонтановъ прибавить хотятъ.

— А ночлежные дома-то забыты, Милей Милеичъ?

— Ну, это кто нибудь выстроитъ и безъ Думы, благодѣтели найдутся.

— Больницъ бы надо, Милей Милеичъ, прибавить, а то мѣстовъ нѣтъ: возятъ, возятъ больнаго-то по больницамъ, да такъ мѣста и не найдутъ; нужда крайняя Москвѣ въ больницахъ.

— Ну, объ этомъ забыли, старина, упущеніе сдѣлали, а вотъ еще домъ будетъ свой у Думы—милліонъ на это полагается.

— Сумма кругленькая, Милей Милеичъ!

— Ну, еще классы будутъ устроены при Консерваторіи для обученія хоровому пѣнію.

— А танцовальныхъ классовъ не будетъ? Жаль, надо бы, а то сколько у насъ танцовальныхъ за
Санъ-Суси, и Гранъ-Плезиръ.
мѣ, чтобы посѣ

— Что ты дѣлаешь съ твоимъ платкомъ?
— Я вотъ ужъ три платка потеряла, такъ теперь на этомъ дѣлаю узелокъ для памяти.

Она. Вы опоздали съ вашимъ предложеніемъ, я ужь дала слово,—а впрочемъ, приходите дня черезъ два.

детъ половину стоитъ, да домъ Думы милліонъ, да асфальтовыя мостовыя милліона два проглотятъ.

— Ну, не хватитъ, еще добавочный заемъ можно сдѣлать милліона въ три-четыре. И то сказать: стоитъ только пріохотиться занимать, а то только давай, лишь бы не отказывали, деньги сами себѣ мѣсто найдутъ, куда истратиться,—и не увидимъ, какъ изъ рукъ улетятъ какъ пташки поднебесныя. Ну, не слыхалъ ли чего, старина, новенькаго?

— Слышалъ, Милей Милеичъ. У одного изъ «насихъ» елка была съ разными курьезными сюрпризами, и какъ съ однимъ курьезъ отъ сюрприза случился. Пригласилъ къ себѣ хозяинъ на елку нужныхъ людей на святкахъ, елку устроилъ, ужинъ, а послѣ ужина при прощаніи съ елки разные сюрпризы дарилъ, и чего только не было въ этихъ сюрпризахъ: кому шляпу кучерскую подарилъ, а въ ней сумма на карету съ лошадьми; кому рукавицу мужицкую, кому лапоть, кому рѣдьку, кому штофъ поповки, кому колпакъ ночной, кому бутылку зельтерской воды, кому бутылку одеколона. Ну, всѣ поняли послѣ, какъ внутрь заглянули. А вотъ кому одеколонъ-то достался, тотъ этого не уразумѣлъ. Посмотрѣлъ, видитъ бутылка оплетена, написано «одеколонъ»; поѣхалъ домой, въ головѣ-то шумѣло послѣ ужина съ шампанскимъ, онъ и завернулъ въ знакомое ему веселое мѣстечко да тамъ и подарилъ эту бутылку одеколона милому созданію: на что, молъ, мнѣ одеколонъ? я не дама,—и сказалъ, что на елкѣ въ лоттерею выигралъ. Прошелъ день, другой, третій и вся недѣля. Увидался съ хозяиномъ елки, благодаритъ, за угощеніе; а тотъ и спрашиваетъ его: хороши ли духи? понравились ли ему? «Я, говоритъ, ихъ подарилъ одной хорошенькой». «Какъ, говоритъ хозяинъ: ви подарилъ мой вамъ подарокъ, а ви не открыли, что онъ такой?»—Нѣтъ, говоритъ, не смотрѣлъ.—«Ай, ай! говоритъ хозяинъ:—да вѣдь это сюрпризъ, тамъ и одеколонъ нѣтъ, тамъ вотъ что било и вотъ сколько било».—Что-жь вы прежде мнѣ не сказали?—«Зачѣмъ сказать? я вамъ дарилъ сюрпризъ, это и есть сюрпризъ». —Батюшки! что-жь мнѣ дѣлать? — «Ступайте, берите назадъ скорѣе». Ну, отправился, пріѣхалъ середь бѣлаго дня, спрашиваетъ про милое созданіе, говорятъ: нѣтъ ея, улетучилась на родину въ Митаву. Ну, что дѣлать? отправился къ знакомому адвокату: «такъ и такъ, помогите, научите, что дѣлать, половина моя, половина ваша». — «Ни научить, ни помочь не могу, отвѣтилъ адвокатъ,—ни вашей, ни моей половины тутъ нѣтъ: во-первыхъ, вы подарили сами, во-вторыхъ—доказать нечѣмъ, что это былъ не бутылка одеколона,

скажутъ пожалуй, что былъ сюрпризъ, что тамъ были конфекты, а не другое что; спросятъ того, кто вамъ подарилъ, разумѣется, тотъ скажетъ, что тутъ были конфекты, а что онъ сказалъ про деньги, то видно пошутилъ надъ вами; не станетъ же онъ изъ-за васъ себя дурачить. Ну, такъ и поѣхалъ отъ адвоката на бобахъ.

— Ха, ха, ха! старина, вотъ такъ штука, вотъ такъ сюрпризъ!

— Да ему теперь не до смѣху; узнали его пріятели и товарищи объ этомъ, на смѣхъ его всѣ поднимаютъ, все одеколону подушиться просятъ; публикацію ему совѣтуютъ сдѣлать, что забыта, молъ, мною въ такомъ-то мѣстѣ бутылка съ одеколономъ, прошу доставить такому-то, будетъ награжденіе за это 500 рублей,—а онъ сердится. У сторожа зубы заболѣли, а товарищи его къ нему и послали, говорятъ: «попроси у него, онъ отъ зубной боли одеколонъ даетъ». Тотъ пришелъ, проситъ у него тъ зубовъ лѣкарства, онъ говоритъ: «ступай къ зубому лѣкарю».—«Да мнѣ сказали, что вы даете лодиолонъ какой-то отъ зубовъ. Сдѣлайте божескую миость, дайте, другую ночь не сплю». А онъ его въ шею, въ задъ стуломъ пустилъ, такъ что стулъ въ щепки злетѣлся; и теперь этого изъ «насихъ» такъ и пушитъ, что и подарокъ-то пропалъ, да и самъ-то онъ посмѣшищемъ сталъ, что въ такихъ лѣтахъ да по веселымъ заведеніямъ ѣздитъ, да еще одеколонъ въ подарокъ возитъ.

— Ну, старина, просто смѣхъ да и только. Ну, а прочіе-то я думаю не бранятъ ни за колпаки, ни за штофы, ни за лапти?

— Зачѣмъ бранить? не наблагодарятся за такіе сюрпризы.

— Однако мы заговорились, а у насъ нынче въ Думѣ засѣданіе, идти надо, а то стращаютъ, что штрафы хотятъ учредить: кто не придетъ, 25 рублей штрафу, или пришли докторское свидѣтельство, что боленъ.

— Прощайте, Милей Милеевичъ, до свиданія.

N. N.

Альбомъ „Развлеченія"

Метаморфозы.

Я былъ влюбленъ въ нее сначала,
Она при встрѣчѣ въ у[illegible]кѣ
Меня такъ страс[illegible]имала,
Трепля ти[illegible]ко по щекѣ.

Какъ все, ж[illegible]нидьба измѣняетъ:
Она меня [illegible]рузнаю[illegible]ъ вамъ,
Теперь безстрастно обнимаетъ,
Но бьетъ страстнѣе по щекамъ.

* *
*

Я былъ влюбленъ въ нее сначала,
Она ласкала такъ меня,
И купидономъ называла,
Пріятной нѣжностью маня.

Я мужъ. Умчалось званье дона,
Судьбѣ, о смертный, уступи!...
Увы! отъ клички купидона
Одно осталося: «*купи!*»

* *
*

Я былъ влюбленъ въ нее сначала,
Съ улыбкой ясною своей
Она не разъ тогда сказала,
Что я ужасно дорогъ ей.

Заживши мужа жизнью тихой,
Я счетъ встрѣчаю какъ врага
И, расчитавшися съ портнихой,
Твержу: и ты мнѣ дорога....

Что сталося? Какимъ манеромъ,
Мой милый другъ, ты грустенъ сталъ?
Увы! вздохнувъ, онъ отвѣчалъ:
Я сталъ акціонеромъ....

Сильная оппозиція.

Въ альбомъ одного общаго собранія.

Въ собранье члены собралися,
Крича: насилу добралися
До вожаковъ мы до своихъ;
Межъ ними шашни завелися
И мы щадить не станемъ ихъ!

Въ собраньи шумъ поднялся стономъ,
Но предсѣдатель рѣчь велъ съ тономъ,
Какъ велъ въ теченьи многихъ лѣтъ,
Закончилъ легонькимъ поклономъ,
И утвержденъ былъ вновь бюджетъ....

Кетти Кингъ.

Анекдотики

Въ одну богатую булочную приходитъ покупатель и, купивъ что нужно, обращается къ прикащику съ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, отчего вы не выводите таракановъ?

— Мы ихъ выводимъ.

— А какъ же пишутъ...

— Что же, что пишутъ, перебиваетъ прикащикъ, — это интриги: у насъ *выводятся* замѣчательные экземпляры и въ большомъ количествѣ.

—

Одинъ франтъ наскандалилъ въ клубѣ.

— Не угодно ли вамъ выйти вонъ, предлагаетъ ему дежурный старшина.

— Зачѣмъ же это?

— Но вы скандалите.

— Если меня вывели изъ терпѣнія...

— Очень можетъ быть, и вотъ поэтому и мы должны вывести васъ изъ клуба.

—

Нѣмецъ докторъ пріѣзжаетъ къ трудно больному.

— Больной «отошелъ», говорятъ доктору.

— О-о! Зашево отошель? сердится докторъ, — зашево отошель?!

— Что же дѣлать?...

— Aber, я приказаль лежитъ и только лежитъ.

— Да вѣдь онъ умеръ.

— А! это биваетъ.

И, взявъ шляпу, докторъ вышелъ.

—

Плѣннаго турецкаго пашу спросили:

— Скажите, что за странность, что ваша армія сдается цѣлыми десятками тысячъ?

— Ничего нѣтъ страннаго, это логика.

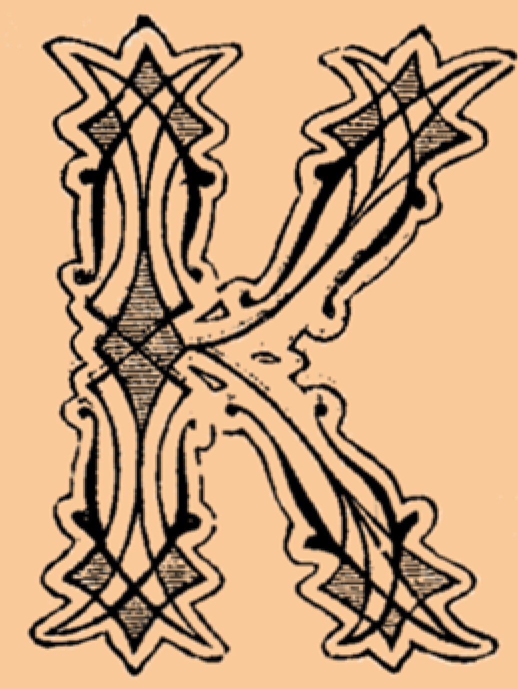
— Какая же?

— Мы твердо держимъ данное слово.

— Объясните.

— Отправляясь въ битву, мы даемъ слово не отступать и идти впередъ, ясное дѣло, что когда насъ бьютъ, мы сдаемся, чтобы хотя и плѣнными, но идти впередъ...

Кетти Кингъ.

Калужскія наброски

Съ 12-ти часовъ ночи на 1-ое января 1878 года съ калужанами произошла непостижимая метаморфоза. Общественное незлобіе, коснѣніе семейной жизни, личная закорузлость, — вся нравственная плѣсень какъ бы съ плечъ долой! Физіономіи всѣхъ просіяли, блескъ очей невыносимый, восторгъ безграничный, оживленіе просто заразительное!... «Съ новынъ годомъ — съ новымъ счастьемъ!» наперерывъ спѣшатъ всѣ поздравлять другъ друга и съ такою увѣренностью, что будто бы это счастіе они уже въ самомъ воздухѣ обоняютъ... Даже сдается, что вотъ-вотъ эта обоняемая въ атмосферѣ примѣсь счастья вконецъ расщекочетъ нервы носовыхъ полостей и — калужскіе носы (о, ужасъ!) разомъ чихнутъ, а счастливые обладатели таковыхъ носовъ, вслѣдствіе столь знаменательнаго явленія, отъ удовольствія подпрыгнувъ, промолвятъ: «правда!»

— Какого же это такого счастья ждутъ себѣ калужане отъ нынѣшняго новаго года? пожалуй меня завистливые читатели.

— Да этого, увѣряю васъ, знаютъ, хотя и ждутъ...

Вѣдь ужь имъ
Манны съ н
Ждать и —
Съ тѣмъ д

Если же и допус валить какое нибудь ожиданное, независи тельности, въ видѣ ихъ общественной ж городѣ замѣчательная не къ смутному времен грандіозный, перекинуты футовъ каменный мостъ, то бишь, ѣзда строго в мостъ, предположимъ, въ эт всякаго чаянія калужанъ, удачный моментъ, когда н не случится ни одного че пожалуй, мыслимо для ка Все же прочее обѣщаетъ п стоять благопо

Вѣчно чѣмъ-то занятая,
Будто думой дѣловой...

И на точкѣ замерзанья
Тѣ же думскія статьи—
Прежнихъ лѣтъ предначертанья,
Образцы галиматьи!

Тотъ же бытъ безъ обновленья,
Безъ общественныхъ затѣй,—
Тѣ же виды и явленья,
То-жъ теченіе вещей...

Все, всѣ скорби бытовыя
Тѣ же ждутъ насъ чудаковъ:
Тѣ же горе-мостовыя,
То же царство кабаковъ...

Тѣ-жь трактирныя приманки
Будутъ развращать народъ:
Домино, лото, «шарманки»...
Все, что было въ старый годъ!

Та же жизнь не безъ веселья,
Не безъ горя, не безъ слезъ,
Та же спячка отъ бездѣлья,
То же счастье въ мірѣ грезъ!...

По не смотря на все это, въ то же время, я не могу не воскликнуть съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: о, Калуга, Калуга! Чего, чего только въ тебѣ нѣтъ! И извѣстное калужское тѣсто, что—какъ говорится—пальчики оближешь! И такъ называемые «гречушники» (по копейкѣ за штуку), которыми съ одинаковымъ наслажденіемъ и пристрастіемъ лакомятся и нищіе, и завзятые аристократы!...

Фру-Фру.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

рафія Ѳ. Б. Миллера. (Яуз. ч. 1 кв. № 82.